

КАК ШАВУОТ СТАЛ ПРАЗДНИКОМ ДАРОВАНИЯ ТОРЫ

Евгений Левин

Праздник Шавуот - один из трех «праздников Паломничества», когда все еврейские мужчины должны были «предстать перед Б гом, Всесильным твоим, в месте, которое Он избереет» (Дварим, 16:16). Он получил свое название потому, что наступает после того, как отсчитано семь недель («шева шавуот») от праздника Песах. Всевышний, избирая нас для великой миссии, поклялся, что не заменит нас никаким другим народом, а мы поклялись, что никогда не откажемся от Торы и от служения Ему. Эти две клятвы (на иврите «швот») - еще одно объяснение названию праздника Шавуот. Мудрецы называют этот праздник «Ацерет», то есть «Собрание» или «День завершения праздника». Подобно этому последний, восьмой, день праздника Суккот называется «Шмини ацерет», то есть «Собрание (на) восьмой (день)». В Шавуот завершается череда праздников, которые мы отмечаем в память о процессе «рождения» народа Израиля - от Исхода из Египта до Дарования Торы.

Все праздники паломничества изначально связаны с сельскохозяйственным циклом. В Песах начинали убирать озимый ячмень; в Суккот заканчивали сбор урожая. Не был исключением и Шавуот. Это подчеркивается двумя другими его названиями: Хаг а-кацир - «Праздник жатвы» - и Йом а-бикурим - «День первых плодов», ибо он совпадает с началом жатвы пшеницы и сбором плодов, которые приносили в Храм в качестве благодарственной жертвы. Начиная с Шавуот можно было использовать новый урожай озимой пшеницы. Кроме того, после этого праздника в Храм начинали приносить первинки плодов земли Израиля - бикурим.

Сельскохозяйственный аспект осеннего праздника Суккот не был забыт на протяжении веков изгнания, а вот Песах и Шавуот ждала совсем другая судьба. В еврейском сознании они ассоциируются лишь с величайшими событиями истории человечества: Исходом и его кульминацией - Дарованием Торы.

В Песах мы празднуем Исход из Египта, о чем прямо сказано в Торе. Об этом событии напоминают и заповеди, связанные с праздником: пасхальная жертва (в память об агнце, которого евреи принесли в жертву накануне Исхода), маца, запрет есть квасное («ибо тесто еще не скисло, потому что они выгнаны были из Египта и не могли медлить») (Шмот, 12:39), наконец, заповедь, запрещающая рассказывать в этот день об Исходе.

Но с Шавуот дело обстоит иначе. Нет ни одной специфической заповеди, связанной с этим праздником. Предписания Шавуот подчеркивают исключительно сельскохозяйственный аспект этого дня. Пока существовал Храм, в Шавуот совершалось специальное хлебное жертвоприношение, испеченное из зерен нового урожая: «От жилаиц ваших принесите два хлеба возношения; из двух десятых частей эфы тонкой пшеничной муки должны они быть, квашеными да будут они испечены, это первинки Г-споду» (Ваикра, 23:17).

Кроме того, в Торе нигде прямо не сказано, в какой день следует праздновать Шавуот. Пятикнижие лишь сообщает, каким образом можно вычислить эту дату относительно Песаха. Причем это сделано в неоднозначной форме, что дало повод для многочисленных споров и разногласий: «И отсчитайте себе ми-махарат а-шабат, от дня приношения вами омера возношения, семь недель; полными да будут они. До дня после седьмой недели отсчитайте пятьдесят дней и принесите новое хлебное приношение Г споду... И провозглашайте в тот самый день: священное собрание да будет у вас; никакой работы не делайте» (Ваикра, 23:15-16, 21).

В большей части изданий Торы слова «ми-махарат а-шабат» переводят как «от второго дня праздника (Песах)». Это прочтение соответствует еврейской религиозной практике, согласно которой Шавуот наступает на пятидесятый день после Песаха (отсюда - русское название праздника «Пятидесятница»). Однако основное значение слова «шабат» - «суббота». Поэтому эти слова можно понять иначе - пятьдесят дней следует отсчитывать от первой субботы после Песаха. То есть, если Песах, к примеру, выпал на воскресенье - следует подождать почти неделю, дожидаясь первого шабата и только тогда начать отсчет дней и недель.

В конце эпохи Второго храма вопрос о том, когда следует праздновать Шавуот, стал одной из основных причин разногласий меж-

ду двумя главными религиозными течениями того времени, прущим и цдуким, фарисеями и саддукеями. Саддукеи, следуя букве Писания, полагали, что «шабат», о котором говорит Тора, - это первая суббота после праздника Песах. Фарисеи же утверждали, что слово «шабат» в Писании может означать как субботний, так и праздничный день, поскольку созидательный труд в эти дни равно запрещен, и Тора имеет в виду сам праздник Песах.

Как мы знаем, благодаря полемическому таланту рава Йоханана бен Закая (Вавилонский Талмуд, Менахот, 65а-б) победа, в конце концов, осталась за фарисеями. Пятидесятый день «от второго дня праздника Песах» всегда приходится на 6 сивана. Поэтому Шавуот, подобно остальным еврейским праздникам, получил «постоянную прописку» в еврейском календаре.

Как мы уже сказали, в Торе Шавуот упоминается только как праздник, связанный с сельскохозяйственным циклом. Для крестьянина, обрабатывавшего свой надел где-нибудь в Иудее или Галилее, смысл этого праздника был понятен и «веществен». Отпраздновав Шавуот, он брал серп и шел жать пшеницу. Однако уже в эпоху Второго храма все больше евреев переселились в города. Кроме того, множество евреев проживало в странах диаспоры, чей сельскохозяйственный календарь отличался от палестинского. Нетрудно догадаться, что для этих людей сельскохозяйственный смысл праздника мало что значил. Но праздник не утратил своего значения, став исключительно праздником Дарования Торы. Шавуот сохранил актуальность для каждого еврея, где бы он ни жил и чем бы ни занимался.

Все заповеди Шавуот - хлебное приношение, бикурим и т. д. - были связаны с Храмом. Соответственно, после разрушения Храма выполнение этих заповедей стало невозможно. Однако празднование Шавуот как годовщины Дарования Торы привело к возникновению обычаев, которых можно придерживаться независимо от обстоятельств времени и места.

Наиболее популярный из этих обычаев - провести всю праздничную ночь бодрствуя, посвящая ее учебе. Основопологающая книга каббалы «Зоар» говорит о ночи праздника Шавуот: «Праведники прошлых поколений не спали в эту ночь, проводя ее за изучением Торы». Следуя этому обычаю, мы не спим в ночь Шавуот, во многих общинах принято читать в это время специальный сборник текстов, «Тикун лейль Шавуот». Буквальное значение слова «тикун» - «исправление». Сказано, что в ночь перед Дарованием Торы у горы Синай сыны Израиля, наши с вами прадеды, спали спокойным сном. Можно было бы предполагать, что они будут бодрствовать, ожидая рассвета, но этого не случилось. Мы исправляем их «ошибку», проводя всю ночь за изучением Торы.

В Средние века в общинах Европы возник другой интересный обычай - в Шавуот маленькие дети получали свой первый урок Торы. Впервые эта практика упоминается в трудах рава Элиэзера из Вормса (1160-1230). По его словам, именно в Шавуот еврейских детей впервые приводили в хедер, где учитель знакомил их с еврейским алфавитом. А чтобы учение шло веселее, буквы намазывали медом и давали детям его слизнуть.

По обычаю во время утренней трапезы в Шавуот едят молочную пищу - в память о том, что сразу после Дарования Торы, получив законы о запрещенной пище, сыны Израиля не могли пользоваться посудой, пока не откошеровали ее, поэтому они ели только молочное. А поскольку дело было в субботу, то очистить посуду и приготовить кошерное мясо им удалось только на следующий день.

В праздник Шавуот в синагоге читают главу Торы, в которой говорится о ее даровании, а Десять заповедей читают на особый мотив: он должен напомнить нам о голосе Всевышнего, услышанном тогда нашими предками.

Поэтому принято для слушания Десяти заповедей, ежегодно принятия Торы, приводить в синагогу детей, даже самых маленьких.

«Лехаим» N. 205

ИДИШ: ЭТОТ СЛАДКИЙ ЯЗЫК - «МАМЕ ЛОШН»

*Ибо для дерева есть надежда, что и будучи срублено, снова вырастет.
Книга Иова*

«С детства знал я три мертвых языка: древнееврейский, арамейский и идиш (последний некоторые вообще не считают языком)...» - так начинается роман Исаака Башевиса Зингера «Шоша». Роман, написанный в довоенной Варшаве, где жил герой романа «Шоша», начинающий писатель Арон Грейндингер. Из 16 миллионов евреев на идише говорили не менее 11-ти, а то и все 12 миллионов: в странах Западной и Восточной Европы, в США и Аргентине, в Палестине и Австралии - везде, где жили ашкенази (выходцы из Эрец Ашкеназ - Германии). На идише выпускалось более 600 газет и журналов, на идише писались романы и научные труды, ставились спектакли... И если в начале века еще велись разговоры о том, что идиш - это всего лишь жаргон, язык еврейских домохозяек, «испорченный немецкий», то в 30-е годы Британская энциклопедия назвала идиш одним из основных языков культурного мира.

Теперь никто уже не сможет с уверенностью сказать, как сложилась бы история идиша во второй половине 20 века, если бы не Холокост. «Прежде мои поселенцы в Польшу за шесть или семь столетий до моего рождения, однако по-польски я знал лишь несколько слов», - признается Арон Грейндингер. Напротив, тысячи немецких, французских, австрийских, советских евреев зачастую знали лишь несколько слов на идише, языке своих отцов и дедов (заметьте, однако, что порой именно эти несколько бобушкиных-дедушкиных слов давали «фаргоиште» - ассимилированным евреям - ощущение причастности к еврейству). Под напором ассимиляции идиш постепенно сдвигался, как в просвещенных странах Западной Европы, так и в Советском Союзе. Скорее всего, он когда-нибудь пополнил бы список ушедших или постепенно уходящих в небытие еврейских языков и диалектов, числом более двадцати, но Катастрофа намного сократила опущенный идишу век.

Есть на идише такое трудно переводимое слово «идишкэйт» - дословно «еврейскость» (еврейская ментальность, еврейский образ жизни, еврейский дух). От мира идишкэйт, который говорил, пел, радовался, горевал, смеялся, бранился на идише, Холокост оставил лишь осколки, и не стало слышно в бывших местечках, превратившихся в обычные захолустные городки, «чужеземной еврейской речи без проклятой буквы «р», сладкого языка идиш - маме лошн» (Эфрими Севела). Язык лишился воздуха, лишился почвы. Как дерево с подрубленными корнями, он еще жил, но уже был обречен. Возмужавший герой Зингера, ставший известным еврейским писателем, ведет в Нью-Йорке внешне вполне содержательную жизнь: работает в редакции еврейской газеты, встречается с читателями... Но эта жизнь - лишь мнимость, бесприютное призрачное существование, постигаемое горестное воспоминание о мире «идишкэйт», которого больше нет. «С детства знал я три мертвых языка...» Мертвый, то есть вышедший из повседневного употребления, язык - для лингвистики дело обычное, убитый язык - явление гораздо более редкое.

По историческим меркам, идиш существовал недолго, около тысячи лет, но вопросов, не разрешенных до сих пор, он задал филологам предостаточно. Начнем с самого начала: где, когда, каким образом появился идиш? Еще не так давно неоспоримой считалась теория Макса Вайнрайха, автора фундаментальной четырехтомной «Истории языка идиш»: по его мнению, маме лошн родился на западе Германии, примерно там, где Майн впадает в Рейн. Однако с недавних пор появились и иная точка зрения: идиш родом с востока Германии, он сложился в долине Дуная, а возможно даже - в долине Эльбы. Доказательства сторонники каждой из этих теорий выдвигают достаточно весомые: исторические факты, примеры сходства между идишем и стороннемецкими диалектами - «кандидатами» в предки маме лошн. И хотя мнение Вайнрайха продолжает оставаться наиболее авторитетным, точка в родословной идиша будет поставлена еще не скоро.

Вопрос «когда?», неотделимый от «как?», рождает еще больше загадок. Когда именно средневерхненемецкий диалект, который, предположительно, лег в основу идиша, обособился настолько, что возник новый самостоятельный язык? Иными словами, когда язык коренного населения, на котором говорили, щедро разбавляя его словами и выражениями из иврита и арамейского, и писали, используя ивритский алфавит, евреи Эрец Ашкеназ, стал идишем? Уже в 10 веке... Нет, в 11-м... Ничего подобного, пути идиша и стороннемецких диалектов разошлись лишь в 12-13 веках... Пока евреи жили в Германии, идиш оставался вариантом немецкого, он стал самостоятельным языком, лишь когда ашкенази двинулись из Германии в славянские земли, в конце 13-го или даже в 14-15 веках... Вот, по крайней мере, пять вполне обоснованных точек зрения на то, как возник этот поразительный языковой коктейль - идиш.

В Восточной Европе идиш, обильно приправленный заимствованиями из местных языков (украинского, белорусского, русского, польского, литовского, чешского, венгерского, румынского), раздробился на диалекты. Различия между ними - в произношении, грамматике, словарном составе - были довольно существенными, однако говорящие на идише евреи всегда понимали друг друга. Все диалекты идиша стекались к одному источнику: иврит, священный язык Торы - лошн койдеш.

Отношения иврита и идиша - поистине единство противоположностей. Это красноречиво отразили еврейские поговорки: «кто не знает иврита, тот необразован, кто не знает идиша, тот не еврей», «Иврит учит, а идиш знают», «Бог говорит на идише в будни, а на иврите в субботу».

Иврит - возвышенный язык молитвы, язык учености, книги и философских бесед; его, «разделяя святое и будничное», не использовали в быту. Идиш - повседневный язык простого люда, изменчивый, подвижный, живой. Маме лошн называли женским языком: это был язык «идише мамы», читательницы популярных изданий на идише, в отличие от иврита, «фотершпрах», языка отцов, постигающих премудрости Торы и Талмуда.

И в то же время идиш недаром сравнивают с дворцом, построенным на фундаменте лошн койдеш. Маме лошн (кстати, даже само это название содержит ивритское слово «лашон» - язык) не просто что-то заимствовало из иврита - он его впитывал. Кроме многочисленных гебраизмов (ивритских слов, прочно укоренившихся в идише и понятных каждому), практически любое слово или выражение на иврите могло быть использовано говорящими на идише, будь то образованные люди, стремящиеся как можно точнее выразить свои мысли, или хитроумные торговцы, желающие скрыть смысл сказанного от немецких, швейцарских или голландских партнеров.

Иврит был для идиша примерно тем же, чем средневековая латынь для европейского языка, а церковнославянский язык - для русского: постоянным источником обогащения, залогом выразительности. Однако и язык Торы не был закрыт от влияния идиша; иврит ашкенази в конце концов стал значительно отличаться произношением от классического библейского языка именно благодаря воздействию маме лошн.

Гармоничное сосуществование двух еврейских языков - книжного иврита и разговорного идиша - нарушилось во второй половине 19 века, когда иврит стал возрождаться как современный разговорный язык, а прежде неприязнительный идиш сделался языком литературным.

Случилось все, конечно, не вдруг. Нравоучительная и занимательная литература на идише существовала уже в 16 веке. Это были переложения библейских сказаний с комментариями, словари, сборники назидательных историй из Талмуда, мемуары, рассказы о путешествиях, наконец, народные песни - пуримшпили. И все же идиш оставался «массивком еврейской литературы» до тех пор, пока на рубеже 18-19 столетий он не стал опорой хасидизма. Превозносил искренность и чистоту веры превыше учености, хасиды обращались к простым людям на их языке. Жизнеописания основателей учения и духовных лидеров, мистические рассказы, притчи, сказки сделали идиш истинным языком народной литературы задолго до того, как закончились споры о том, имеет ли маме лошн право на этот статус.

Против своей воли подыгрывали идишу и просветители-маскилим: свои сугубо «антиидишские» идеи (интеграция евреев в европейскую культуру, принятие местных языков при одновременном изучении иврита) они могли пропагандировать только на идише. Призывая «забыть язык гетто» на этом самом языке, они сделали идиш языком современной публицистики. С 1860-х годов на идише начинают выходить газеты.

Но, конечно, решающим для становления литературного идиша стало то, что за него проголосовали талантливые писатели - Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, С. Ан-ский, Ицхак-Лейбуш Перец, Шолом-Аш. «Наши писатели смотрели на идиш свысока и с полнейшим презрением... Меня очень смущала мысль, что если я буду писать на «жаргоне», то этим унижу себя; но сознание пользы дела заглушило во мне чувство ложного стыда, и я решил: будь что будет - заступлюсь за отверженный «жаргон» и буду служить своему народу!» - объяснял свой выбор «дедушка еврейской литературы» Менделе Мойхер-Сфорим. Однако очевидно, что не только «сознание пользы дела» заставило писателей-реалистов предпочесть идиш ивritу: для того чтобы правдиво рассказать о жизни еврейских местечек, подходил только идиш - этот колоритный, пряный, неподражаемый семито-славяно-германский слог.

Уже были написаны «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема и «Маленький человек» Мойхер-Сфорима.

уже гастролировали по России, Украине, Польше еврейские театры на идише, а клеимо «неполноценного языка» так и не было снято с маме лошн его недоброжелателями. Напротив, в 20 веке противостояние «идишистов» и «гебраистов» вылилось в настоящую «войну языков», охватившую как европейские страны, так и Палестину.

В начале столетия казалось, что у идиша есть серьезные шансы на победу. Хотя в Эрец Исраэль стараниями Элиэзера Бен-Йегуды возродился разговорный иврит, многим сионистам, в том числе и их лидеру Теодору Герцию, мысль о том, что иврит сможет в недалеком будущем стать современным разговорным языком, казалась утопической. На стороне идиша были еврейские рабочие партии, и среди них влиятельные «Бунд». Идиш завоевывал adeptов даже в стане своих гонителей, среди которых одним из самых ярких был соратник Герция по Первому сионистскому конгрессу, венский адвокат Натан Бирнбаум.

Бирнбаум, выросшему в семье ортодоксальных галицких хасидов, был отвергнутым примитивный идиш его родителей. Именно ему принадлежат такие неслучайные определения маме лошн как «осищение дитя гетто» и «выкидыш диаспоры». Поскольку идиш реально претендовал на роль общенационального еврейского языка, Бирнбаум, добыть звать врага в лицо, пришлось всевозможные изучать ненормативный язык и, как многие другие до и после него, полагать под обаянием маме лошн. У идиша, пожалуй, не было другого столь пылкого и верного сторонника. Именно благодаря неуемной энергии Бирнбаума и его единомышленников в 1908 году в Черновцах состоялась специальная конференция, посвященная проблемам идиша. В заключительной декларации идиш был признан общенациональным еврейским языком. В противовес участники Венской конференции 1913 года требовали признать еврейским национальным языком иврит. Диспуты «идишистов» и «гебраистов» часто заканчивались скандалами, выступавших на «неугодном» языке аудитория освистывала. Замечательно описывает подобный диспут Шолом-Алейхем в своих юмористических хрониках «Касриловский прогресс»: «Тут одного гебраиста осенило. Среди всеобщего шума он, словно бомбу, бросил слово: «Черновцы!» Казалось бы, что дурного в слове «Черновцы»? Черновцы - это не что иное, как городок в Буковине, из-за которого дурится два государства, они только и знают, что изгонять друг друга из Черновцов, сегодня Черновцы принадлежат одному государству, завтра - второму. Так вот же, для касриловских идишистов упоминание о Черновцах в тысячу раз, нет, не в тысячу, а в десять тысяч раз хуже самого последнего ругательства. Обвините их в позорнейшем проступке, смейшите с грязью - только не говорите им о Черновцах! Такова особенность касриловских идишистов. Но такая же странность свойственна и гебраистам. Если вам вздумается задеть за живое касриловского гебраиста, залезть ему в пенечку, вы должны сказать ему не более, как одно слово: «Михнатим!» (то есть «михноссим» - штаны). Только предупреждаю: соблюдайте осторожность - Гебраист может проломить вам череп!...»

После Октябрьской революции идиш, «язык еврейских пролетариев», получил мощную поддержку советской власти: открывались еврейские школы, создавались всевозможные научные общества, финансировались исследования в области филологии идиша, печатались книги. Советским еврейским ученым уже грезились «инсшафт ин идиш» - наука на идише. Однако «праздник на еврейской улице» длился недолго: уже в конце 30-х годов власть охладела к культуре национальных меньшинств и советский ренессанс идиша закончился, постепенно сменившись все более жестокими гонениями на еврейскую культуру.

Если большевики враждебно относились к ивritу, «языку религии и сионизма», то для сионистов в Палестине неугодным стал идиш. Ради своей великой цели - возрождения иврита - они подвергали идиш настоящему бойкоту, не допуская его в общественную жизнь Эрец-Исраэль. О противостоянии языков на Земле Израила во времена «пионеров» дает представление анекдот тех лет: «Пожилый еврей прогуливался по набережной Тель-Авива. Вдруг он замечает тонущего человека, который кричит на иврите: «На помощь!» Старик не без злободневия выкрикивает в ответ на идише: «Вы уже выучили иврит? Так научись теперь плавать!». Дискуссии на высоком уровне были не намного доброжелательнее. «Идиш - живой язык. Ему 8-9 сотен лет, а вы хотите его убитый?» - выговаривал Башевис Зингер самому Менахему Бегину. Бегин, в сердцах колотил кулаком по стеклянному столу, кричал в ответ: «С идишем мы ничто! С идишем мы превратимся в животных!». До сих пор патриоты маме лошн не могут забыть о том, что к «генциуду идиша» приложили руку и сами евреи - пропагандисты иврита. Однако исход спора языков было суждено решить не «идишистам» и «гебраистам», но сионистам и коммунистам...

После Катастрофы европейского еврейства в годы Второй мировой войны о противостоянии двух еврейских языков уже не могло быть и речи. Маме лошн и лошн койдеш словно поменялись местами. На живом современном иврите заговорила израильская улица, а идиш ушел из жизни в область этнографии: переместился с улиц и из домов в библиотеки, университетские аудитории, на фестивальные подиумы и театральные подмостки. Только ортодоксальные хасидские семьи, в основном в США и Израиле, по-прежнему говорят на идише, оставляя иврит для общения со Вс-вышним.

Все меньше на планете людей, для которых идиш - действительно родной язык, маме лошн, но все больше тех, кто, вопреки реальности, пытается продлить его призрачное бытие. Уничтожив мир «идишкэйт», Холокост словно дал идишу шанс на бессмертие. Вокруг этого языка возник особый ореол: идиш притягивает, его трагическая судьба завораживает, культурный мир не хочет смириться с этой потерей. Благородное стремление сберечь идиш - словно визов историей: мы не можем вернуть шесть миллионов погибших, но в наших силах сохранить их язык.

Энтузиастов изучения идиша становится все больше, причем это далеко не только евреи: общества любителей маме лошн есть даже в Японии! Но оптимизм внушает не только обнадеживающая статистика: если уже один раз, вопреки всем историческим закономерностям, стараниями людей произошло чудо из чудес, возвращение к жизни иврита, две тысячи лет числившегося мертвым языком, то почему бы не случиться чудо с еще одним еврейским языком - идишем? Почему бы идишу не жить дольше, хотя по логике вещей (а также по прогнозам ЮНЕСКО) в 21 веке он должен исчезнуть?

В 1966 году Нобелевскую премию по литературе получил Шмуэль Йосеф Агнон, двенадцатью годами позднее, в 1978-м, ее присудили Исааку Башевису Зингеру. Наград удостоились не только писатели, но и языки: Агнон - первый всемирно известный писатель, пишущий на иврите, Зингера называют последним крупным мастером, пишущим на идише. Но сам Зингер вовсе не признавал себя последним: «Некоторые считают, что идиш - мертвый язык. То же самое говорили про иврит две тысячи лет подряд... Идиш еще не сказал своего последнего слова; он таит в себе сокровища, неизвестные миру».

Детский фольклор от Залмана Кауфмана.

Так сложилось, что последние год-два я и Залман Самуилович Кауфман, оба вынужденные малоподвижные затворники квартирного пространства, часто и продолжительное время беседуем по телефону. Залман Самуилович оказался единственным читателем, кто услышал в моей публикации по еврейскому детскому фольклору просьбу к людям старшего поколения вспомнить эти тексты и поделиться ими. И вот время от времени он звонит и надиктовывает мне с комментариями то, что сохранила его память. Тогда-то в этих беседах я обнаружил, что фольклор как таковой и не только детский — одно из его многочисленных увлечений. В течение многих лет он собирал еврейские пословицы и поговорки, которые составили самостоятельную коллекцию из более 3000 текстов, теперь хранящуюся в Рукописном отделе Национальной библиотеки Израиля, откуда поступило благодарственное письмо собирателю. А совсем недавно он передал мне тетрадь с русскими пословицами (более 700), которые долго записывал по случаю от разных людей, особенно часто от своей коллеги-лаборантки из Вологды. Я передала эту тетрадь в фольклорный фонд архива Карельского научного центра РАН.

Понять, ощутить, насколько незаурядна личность моего собеседника, позволили мне не только телефонные разговоры и откровения, прерываемые рутинными заботами и делами (у З.С. и его жены нелегкая бытовая жизнь), но особенно книги и работы Кауфмана. Ученый-океанолог, доктор биологических наук, автор многих академических трудов, до выхода на пенсию в 2013 году ведущий научный сотрудник Института водных проблем Севера Карельского научного центра, заслуженный деятель науки Республики Карелия, кавалер Ордена за заслуги перед Отечеством Залман Самуилович — человек широких интересов и взглядов. И это отражает как его автобиографические книги «Невыдуманные рассказы» (2003), «Зяма» (2005), изданные в серии «Библиотечка газеты «Общинный вестник», так и своеобразное, требующее многих знаний и труда исследование «Краткий очерк истории еврейского искусства». И в свои 95 лет Залман Самуилович, не взирая на годы, как настоящий ученый каждый день жизни остается в своих занятиях и за письменным столом и компьютером не прекращает свои научные штудии: выявляет упоминания растительного мира Библии, описывает их, систематизирует, формирует характеристики, вынашивая идею создания краткого курса библейской ботаники. Трудно поверить, что за плечами этого неумолимого, увлекающегося, как он сам себя называет, человека тяжелейшая жизнь: война, которую он прошел от начала до конца, семь лет Гулага, чрезвычайно тернистый путь в науку, путь, что начался, по существу, в детстве, в Чернигове, в отчем доме. В 5 лет маленький Зяма научился читать сначала по-русски, затем в 7 лет за один год в еврейской школе читать и писать на идиш, а еще позже в связи с украинизацией освоил украинский язык. Рано увлекся биологией да так, что шестиклассником стал автором статьи в журнале «Юный натуралист», не просто замеченной, но отрецензированной писателем-натуралистом и художником-анимационистом, профессором Московского университета Н.А. Формозовым, с которым завязалась многолетняя переписка. Поступление на биофак Ленинградского университета было предопределено страстным желанием заниматься биологией, оно было закономерно и естественно.

Но вернусь к фольклору, детскому фольклору прежде всего, который извлекает из кладовой своей памяти Залман Самуилович Кауфман.

Мне неоднократно приходилось писать о том, что детский фольклор в отличие от всех других «фольклоров» не знает исчезновения и деградации, он живуч и устойчив, он существует, пока существует детство, детская среда, его порождающая. Но все это, к сожалению, не распространяется на еврейский детский фольклор, судьба которого трагична. Стерты с лица земли во время Второй мировой войны еврейские поселения, «штетл» на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Литвы, Латвии, где на протяжении почти трех веков протекала жизнь восточноевропейского еврейства. Уничтожен породивший ее мир, ушли из жизни те, кто около ста лет тому еще был носителем и пользователем детской еврейской традиции, когда звучала вот эта замечательная безымянная детская потешка, которую донес до нас в своем переводе Наум Гребнев и в которой мистический как будто преднамеренно соединились имя моего информанта и персонажа — «Залман»:

**Звать меня Залман,
Звать отца Калман,
Деда звать Борех,
Брата звать Зорех,
Маму звать Бейла,
А сестру — Кейла,
Звать котенка Мирка,
Лошаденку — Сирка,
Бабушку звать Броха.
Вот и вся мешпоха!**

Замечательный современный детский поэт Михаил Яснов, комментируя свои переводы с идиша единичных, дошедших до нас текстов еврейского

детского фольклора в книге «Детский мир», составленной Валерием Дымшицем (Москва — Гешарим, Мосты культуры — Иерусалим, 2007), обращается к сегодняшним читателям с такими справедливыми и шемщими словами: «Ясное дело: если бы вы родились в то время, когда еврейские дети востро распевали эти и подобные им строчки, вам сейчас каждому было бы уже чуть ли не по сотне лет ...»

Залман Самуилович Кауфман родился в 1921 году в Чернигове, который с конца XVIII века по 1917 г. входил в черту оседлости. Еврейское население города составляло его большинство. «Двор, в котором я жил, был большой, в нем проживало больше сотни человек. Не двор — местечко», — пишет З.С. Кауфман в книге «Невыдуманные рассказы». В этом дворе-местечке и проходило детство с его играми, драками, забавами и увлечениями. Разумеется, играли, кружились, дразнились не только еврейские дети, но и украинские и русские. И бывал, жил естественной жизнью разноязыкий фольклор.

Тексты от Залмана Самуиловича предлагаются в его транскрипции.

Дразнилки:

**Андрей, лейг ан эней,
Нойт эйне,
Моргн — цвей.**

Эта дразнилка переводится так: Андрей, снеси яйцо, сегодня одно, завтра — два.

**Ицык-пыцк,
Транты,
Шманты,
Баралло.**

Так дразнили Ицыка, сына собирателя старых вещей старьевщика.

**Борух Ато,
Ер ист го.**

Борух Ато, он уже здесь — так дразнили человека, который появлялся, где его не ждали, т.е. который тут как тут.

**Матвей, Матвей,
председатель кислых щей.**

**Николай, Николай,
Запер девочку в сарай.
Тыкал, тыкал, не попал,
Только гривенник пропал.**

**Абрашка, кривые ноги, большой живот.
Абрашка всегда танцует и всегда поет.**

**Бусел, бусел, колесо,
Твои детки за лесом.**

Бусел — так на Украине и Белоруссии называли аиста; мужики затаскивали на деревьях старые колеса, а аисты вили на них гнезда.

**Жид, жид, жид,
по веревочке бежит.**

**Вырос го неба,
а дурный, як треба.**

Считалки:

**На золотом крыльце сидели
Король, королевич,
Сапожник, портной.
А ты кто такой?**

**Обер, бубер, зубер,
Обер, бубер, кус!**

Эта, как и другие, основана на словообразовательной зауми.

**Анди, гванди,
Тринди, менди,
Яков, Маков,
Чук Малатов,
Девять чук.**

**Клап, клап, хемерл,
Кум цу мир ин кремерл.
Их дир эпес вайзн:
А шиселе фун айзн,
Киндер ин ды вигелах
Шраен ви ду цигелах:
Мэ, мэ, мэ...**

Переводится: Кап, кап, Кемерл, / Приходи ко мне в лавчонку/, Я тебе что-то покажу/, Мисочку из железа. / Дети в колыбельке / Кричат, как козочки: мэ-мэ-мэ...

Спасибо, Залман Самуилович, за эти бесценные крупницы, воссоздающие ушедшую в прошлое и уже утраченную культуру еврейского детства.

27 нисана на Старом еврейском кладбище в Петрозаводске у Памятного знака «Менора», установленном общиной в 2004 году, состоялась традиционная церемония памяти жертв ШОА. Право зажечь первую свечу было предоставлено Давиду Генделеву, члену религиозной общины, ветерану войны, Почетному гражданину Петрозаводска. Кадиш прочитал Дмитрий Генделев, директор Благотворительного фонда Хэсэд Агамим, член Правления религиозной общины. Минута молчания...

Еврейская община имеет честь поздравить
с Днем Рождения

ГИЛЬБО МАНУ ИОСИФОВНУ

пожелать здоровья, бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община имеет честь поздравить
с Юбилеем

КАРАМЫШЕВУ НИНУ МИХАЙЛОВНУ

пожелать здоровья, бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

**БЕСКОНЕЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО -
ОТКРЫТИЕ НОВЫХ ИДЕЙ В ТОРЕ**

Зохар

Сообщение из Palo Alto (Калифорния): В конце 80-х годов в СССР группа евреев - офицеров Советской Армии, прошедших войну, начала работу по составлению списков евреев - советских солдат и офицеров, погибших в годы Великой Отечественной войны. С 1992 по 2015 год группе удалось издать 11 томов Книги Памяти с именами более чем двухсот тысяч евреев - военнослужащих Советской Армии, погибших на фронтах Второй Мировой войны. Полные комплекты Книги Памяти находятся в ведущих исторических центрах - Яд ва-Шем в Израиле, Музее Катастрофы в США, Российском Центре Памяти на Поклонной горе и других. Коллекция этих книг есть в личных библиотеках в разных концах земли. Последнего из зачинателей этого проекта, Льва Борисовича Левзнера, не стало несколько месяцев назад. Так получилось, что после его ухода осталось примерно 100 экземпляров девятого тома. Было решено, что эти 100 книг не могут быть отправлены в макулатуру. С ними следует поступить, как поступают с Американским флагом и Еврейскими священными текстами. 3 мая в 19.00 в JCC Palo Alto, Albert Schultz Hall состоится вечер памяти евреев, служивших в армии, независимо от их гражданства. 15 мая в 2 часа дня - процедура захоронения книг на кладбище «Hills of Eternity», на участке ветеранов войны - выходцев из СССР.

В самом большом концертном зале Петрозаводска «Машиностроитель» прошел вечер, названный «Две Земли». Его идея - объединить на одной сцене выступления еврейских и карельских творческих коллективов. «Авив», «Дрейдл», «Истоки», «Элайза», «Клезмершпиль» сменяли друг друга, создавая красочный калейдоскоп из переплетения двух культур, демонстрируя добрососедские взаимоотношения двух народов. Прекрасно, что в концерте активно участвовали дети, воспринятые зрительным залом. Можно быть уверенным, что теплая и добродетельная атмосфера концерта сохранится и за его стенами.

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

КАРАМЫШЕВУ Нину Михайловну
ЛИПНИНА Альберта Андреевича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Наша кухня

Лепешки творожные

Творог - 500 г., картофель - 500 г., яичные желтки - 1-2 шт., мука - 4 ст. ложки, жир для жарения, тмин, соль

Творог смешать с массой отварного толченого картофеля, добавить яичные желтки, соль тмин, муку. Из хорошо размешанной массы сформовать круглые лепешки, панировать в муке, обжарить в жире на сковороде с обеих сторон до румяной корочки. Лепешки подавать со сметаной, растопленным маслом или томатным соусом и салатом.

Творожные батончики

Творог - 150 г., мука - 60 г., яйцо - 1 шт., сахар - 30 г., сметана - 30 г., сода, соль

Творог размять, смешать с мукой, яйцом, сметаной. Добавить сахар, соду, посолить. Хорошо перемешать. Затем раскатать пласт до толщины в 1 см, нарезать прямоугольниками и обжарить во фритюре. Затем посыпать сахарной пудрой и подавать.

Творог с чесноком

Болгарский перец, творог, чеснок, укроп, петрушка, соль

Творог, чеснок, зелень, перемешать и посолить. Фаршировать этой смесью свежий болгарский перец. Поставить охладиться в холодильник и подать на стол.

Колбаски из творога

Творог - 500 г., мука овсяная - 150 г., молоко топленое - 500 г., мед - 80 г., мука - 35 г., яйца - 2 шт., сметана - 100 г.

Творог смешать с яйцом, овсяной мукой, медом. Полученную массу раскатать на столе в виде колбаски, нарезать на кусочки, обвалять в муке. Жарить во фритюрнице в течение 3-4 минут при температуре 170. Подать, полив сметаной.

Приятного аппетита!